

Александр Жолковский
Ср. СС с Р
(К теме Булгаков и Аверченко)

Михаилу Безродному

О литературном происхождении булгаковского Шарикова вообще и процесса его овладения языком в частности уже писалось.¹ Но как минимум один любопытный экспонат в этой коллекции источников «Собачьего сердца» (далее — СС) пока что, кажется, отсутствует.

Начнем с того, что сведем воедино все лингвистические сведения из протокола д-ра Борменталья.

В 12 ч. 12 мин. дня пес отчетливо пролаял «А-б-ы-р»!! <...> Отчетливо лает «Абыр», повторяя это слово громко и как бы радостно <...> Вечером произнес 8 раз подряд слово «Абыр-валг», «Абыр»! <...>

В моем и Зины присутствии пес <...> обругал профессора Преображенского по матери <...> Сегодня <...> произнес совершенно отчетливо слово «пивная». Работает фонограф <...>

[И]з смотровой, где рассказывает это существо, слышится явственная вульгарная ругань и слова: «Еще парочку» <...> Он произносит очень много слов: «Извоз-чик», «Мест нету», «Вечерняя газе-

За замечания подсказки я благодарен Михаилу Безродному, Елене Толстой и участникам дискуссии о первом варианте этой статьи в блоге <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/358911.html>.

© Aleksandr Zholkovskii, 2010

© TSQ 33. Summer 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Так, сразу же были отмечены его иронические отсылки к Маяковскому — его обучению азбуке с вывесок, чешуе огромной рыбы и моссельпромской рекламе (Жолковский 1987, Шаргородский 1991 [1987]); интересное соотнесение СС сразу с тремя Толстыми см. в Данилевский 2005; см. также Лосев 2002, Безродный 2008 а, б, 2009.

та», «Лучший подарок детям» и все бранные слова, какие только существуют в русском лексиконе» <...>

[О]н почесал затылок, огляделся, и я записал новое отчетливо произнесенное слово: «буржуи». Ругался. Ругань его методическая, непрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: как будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически, подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками <...>

Лексикон обогащается каждые пять минут (в среднем) новым словом, с сегодняшнего утра, и фразами. Похоже, что они, замерзшие в сознании, оттаивают и выходят. Вышедшее слово остается в употреблении. Со вчерашнего дня фонографом отмечены: «Не толкайся», «Бей его!», «Подлец», «Слезай с подножки», «Я тебе покажу», «Признание Америки», «Примус» <...>

От кальсон отказался, выразив протест хриплыми криками: «В очередь, сукины дети, в очередь!» <...>

Произнес длинную веселую фразу, потрогав брюки Филиппа: «Дай папиросочку — у тебя брюки в полосочку» <...>

[С]обытие: впервые слова, произнесенные существом, не были оторваны от окружающих явлений, а явились реакцией на них. Именно, когда профессор приказал ему: «Не бросай объедки на пол», — неожиданно ответил: «Отлезь, гнида!» Ф. Ф. был поражен, потом оправился и сказал:

— Если ты еще раз позволишь себе обругать меня или доктора, тебе влетит.

Я сфотографировал в это мгновенье Шарика. Ручаюсь, что он понял слова профессора. Угрюмая тень легла на его лицо. Поглядел исподлобья и довольно раздраженно, но стих. Ура! Он понимает! <...>

Итак, он поддерживает разговор. По моему предположению, дело обстоит так: прижившийся гипофиз открыл центр речи в собачьем мозгу, и слова хлынули потоком. По-моему, перед нами оживший развернувшийся мозг, а не мозг, вновь созданный <...> Еще моя гипотеза: мозг Шарика в собачьем периоде его жизни накопил бездну понятий. Все слова, которыми он начал оперировать в первую очередь, — уличные слова, он их слышал и затаил в мозгу <...>

Шарик читал! Читал (*три восклицательных знака*). Это я догадался. По главрыбе! Именно с конца читал. И я даже знаю, где решение этой загадки: в перекресте зрительных нервов собаки!...

(цит. здесь и далее по первой редакции, Булгаков 2002: 219—330, см. сс. 270—275).

Далее внимание повести переключается на культурное развитие Шарикова, контрастирующее с соответствующими главами «Франкенштейна» Мэри Шелли и отчасти сходное с первыми читательскими реакциями Смердякова. Кстати, что касается собственно языковых навыков, то об овладении устной речью в «Братьях Карамазовых» нет ни слова (по-видимому, заговаривает Смердяков без проблем), да и урокам чтения и письма посвящено всего одно простое предложение: «Григорий выучил его грамоте [и, когда минуло ему лет двенадцать, стал учить священной истории]». ² А чудовище, созданное Франкенштейном, с самого начала обладает чело-

² О связи Шарикова со Смердяковым см. Клейман 1991, а также несколько более позднюю, но независимую статью Жолковский 1995, где, среди прочего, рассматривалась характеристика Горького как «Смердякова с гитарой» в известной статье Мережковского из его «Грядущего хама» (1906) (см. Мережковский 1997[1906]: 645). Добавлю к этому, что связующим звеном между Горьким-Смердяковым Мережковского и Шариком-Чугункиным-Шариковым Булгаков мог послужить сологубовский образ писателя Скворцова (фигурирующего в опубликованных отдельно в 1912 г., главах «Мелкого беса» (1905—1907; см. Сологуб 2004: 349—373), — литератора-демократа, который пишет под псевдонимом Шарик и прозрачным прототипом которого был Горький (об этих главах см. Павлова 2004: 722—738, 821—826). Ср., в частности:

В наружности обоих писателей было нечто родственное <...> Шарик был детина длинный, тощий, рыжий, с косматыми волосами. Называл он себя обыкновенно парнем. Сергей Тургенев был короткого роста, румяный, бритый <...> Он носил пенснэ в оправе из варшавского золота и щурил глаза <...> Шарик очков не носил, а повадки имел преувеличенно грубые <...> Тургенев говорил томно. Шарик рубил и грубил (Сологуб 2004: 350).

Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляпка поджарая... (СС).

Дополнительный «смердяковский» элемент в предполагаемую связь Шарика-Горького с СС мог внести ответный полемический ход Горького — карикатура в одной из «Русских сказок» (1912) на писателя-декадента, пишущего под псевдонимом Смертяшкин, в которой Сологуб узнал себя.

веческим сознанием, языку же — устному и письменному французскому — учится путем подглядывания и подслушивания за не подозревающими о его присутствии соседями. В особенности помогает тайное подключение к урокам, даваемым хозяевами не знающей французского прелестной беженке-аравитянке, после чего приходит время чтения случайно найденных книг (Плутарха, Мильтона и Гёте) и записок Виктора Франкенштейна.

В «Собачем сердце» ситуация существенно иная. Как догадывается Борменталь, происходит «оттаивание» обрывков человеческой речи, устной и письменной, засевших в мозгу собаки Шарика (но не исключено, что и пролетария Клим Чугункина, ср. повторяющиеся фразы о пиве), причем сначала эти обрывки воспроизводятся чисто механически — без связи со смыслом и ситуативным контекстом.

Оттаивание отсылает к известному эпизоду из приключений барона Мюнхгаузена:

[Я] напомнил кучеру о том, что нужно протрубить в рожок, иначе мы рисковали <...> столкнуться со встречным экипажем <...> Парень поднес рожок к губам и принялся дуть в него изо всей мочи. Но все старания его были напрасны: из рожка нельзя было извлечь ни единого звука <...>

На постоялом дворе <...> [к]учер повесил свой рожок на гвоздь подле кухонного очага, а я уселся напротив него <...> Внезапно раздалось: «Тра! Тра! Та! Та!» Мы вытаращили глаза. И тогда только мы поняли, почему кучер не мог сыграть на своем рожке. Звуки в рожке замерзли и теперь, постепенно оттаивая, ясные и звонкие, вырывались из него <...>

Этот добрый малый значительное время услаждал наш слух чудеснейшими мелодиями, не поднося при этом своего инструмента к губам. Нам удалось услышать прусский марш, «Без любви и вина» <...> и еще много других песен, между прочим <...> «Уснули леса...». Этой песенкой закончилась история с тающими звуками, как и я заканчиваю здесь историю моего путешествия в Россию.³

³ Пер. В. С. Вальдман, под ред. А. Н. Макарова; см.: Готфрид Август Бюргер, Рудольф Эрих Распе. Удивительные путешествия на суше и на

Впрочем, реминисценция из Бюргера-Распе, отсылающая к волшебному прообразу звукозаписи и, возможно, подсказанная русским антуражем их повести, остается в подтексте, напрямую же феномен точного, но бессмысленного воспроизведения речи соотносится с реальной технической аппаратурой тех времен — фонографом. Последний невинно вводится в текст в качестве прибора, позволяющего записывать речь «экспериментального существа» (объективность наблюдений удостоверяется также происходящим параллельно фотографированием), но быстро переводится на роль научной метафоры, объясняющей загадочное явление.

В принципе, этого, вроде бы, достаточно, но у эпизода из СС обнаруживается еще один вероятный литературный источник, перекликающийся с ним по нескольким признакам.

В литературе начала XX века есть рассказ о художнике, который развеивает романтические мечты приятеля-поэта о русалках, рассказав ему про свой «роман» с одной из них. Художник натывается на русалку, купаясь в реке, восхищается ее красотой, приносит ее домой, но вскоре охладевает к ней, так как она все время требует окатывания водой, от чего мокнет постель, и кормления рыбой; его раздражает ее чешуйчатый хвост и вульгарные манеры; ее поцелуи отталкивающе пахнут рыбой, а своим тягучим пением она не дает ему спать.

Это рассказ Аркадия Аверченко «Русалка» (далее — Р), впервые напечатанный в «Сатириконе» № 27 (1911). Приведу наиболее выигранные параллели к СС.

Я долго сидел у ее хвоста, слушая странную, тягучую мелодию без слов, потом встал и сказал:

— Песенка хорошая, но мне пора спать. Спокойной ночи.

Лежа навзничь, она смотрела своими печальными глазами в потолок, а ее губки продолжали тянуть одну и ту же несложную мелодию. Я лег в углу на разостланном пальто <...>

море, военные походы и веселые приключения Барона фон Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей. Подг. А. Н. Макаров. М.: Наука (серия Литературные памятники), 1985. С. 48—50; см. также <http://lib.ru/PRIKL/RASPE/munkh-b.txt>.

— Замолчи же, милая, — ласково сказал я. — Довольно. Мне спать хочется. Попела — и будет.

Она тянула, будто не слыша моей просьбы. Это делалось скучным.

— Замолчишь ли ты, черт возьми?! — вскипел я. — Что это за безобразие?! Покоя от тебя нет!!

Услышав мой крик, она обернулась, посмотрела на меня внимательно испуганными глазами и вдруг крикнула своими коралловыми губками:

— Куда тащишь, черт лысый, Михеич?! Держи влево! Ох, дьявол! Опять сеть порвал!

Я ахнул.

— Это что такое? Откуда это?!

Ее коралловые губки продолжали без всякого смысла:

— Лаврушка, черт! Это ты водку вылопал? Тебе не рыбачить, а сундуки взламывать, пес окаянный...

Очевидно, это был весь лексикон слов, которые она выучила, подслушав у рыбаков. Долго она еще выкрикивала разные упреки неизвестному мне Лаврушке, перемежая это приказаниями и нецензурными рыбацкими ругательствами <...>

Услышав шум моих шагов, пленница открыла зеленые глаза и прохрипела огрубевшим голосом:

— Воды! Воды, проклятый Лаврушка, чтобы ты подох! Нету на тебя пропасти! <...>

— Знаете что... — нерешительно сказал я <...> — Не лучше ли вам на реку обратно... а? <...> И вам лучше, и мне покойнее.

— Тащи невод, Лаврушка! — крикнула она. — Если веревка лопнет — уши оборву!

— Ну и словечки, — укоризненно сказал я. — Будто пьяный мужик. Ну... довольно-с!

Преодолевая отвращение от сильного рыбного запаха, я взял ее на руки, потащил к реке и, бросив на песок, столкнул в воду. Она мелькнула в последний раз своими противными зелеными волосами и скрылась. Больше я ее не видел.

Механическое воспроизведение фраз, подслушанных у рыбаков, употребление нецензурных ругательств и общая враждебность всех реплик русалки бросаются в глаза и отчетливо предвещают СС. Роднит два текста и биологический статус персонажа, промежуточного между животным и чело-

веком. Наконец, очевидно сходство СС с Р по линии вторжения чуждого и неприятного существа в домашний уют интеллигентного героя (художника, профессора).

Правда, в собственно лингвистическом отношении Аверченко менее последователен, чем Булгаков. Оказавшись в доме художника, русалка изъясняется вполне связно:

— Рыбы... — пролепетала она, щуря свои прекрасные печальные глаза. — Дай мне рыбы <...> — Я достал <...> кусок холодной жареной рыбы и подал ей.

— Ай, — закричала она плаксиво. — Это не рыба. Рыбы-ы... Дай рыбы.

— Милая! — ужаснулся я. — Неужели ты ешь сырую рыбу?.. Фи, какая гадость... — Тем не менее пришлось с большими усилиями достать ей живой рыбы <...>

— Воды, — прошептала она своими коралловыми губками. — Воды... <...> Воды! — капризно крикнула она.

Любопытно, что речевая деятельность Шарикова тоже начинается с рыбы, но он не вкладывает в это слово никакого смысла (к чему мы еще вернемся) и вообще далеко не сразу оказывается способен связать запомнившиеся фразы с ситуациями, в которых он их произносит. Кстати, его первый шаг в этом направлении Борменталем не анализируется: это чисто словесная, но все же семантически мотивированная, — так сказать, каламбурная — реплика по поводу брюк Филиппа Филипповича.

Аверченковская русалка, напротив, начинает с осмысленных высказываний — требований воды и рыбы и словесных реакций на происходящее, — но ближе к кульминации комически теряет эту способность (Аверченко прописывает: «Ее коралловые губки продолжали без всякого смысла...»). Тем не менее, переключка между двумя текстами значительна и заимствование вероятно.⁴

⁴ «Русалка» Аверченко как пародийное обращение романтического топоса русской поэзии (о нем см. *Преженцева и Сороматина 2001*) рассматривается в *Жолковский 2005 [1995]* в связи с вероятной опорой на этот рассказ одного из эпизодов в «Реке Оккервиль» Татьяны Толстой (см. сс. 249—250,

Без комментариев пока что остались те места во фрагменте из Р, где речь идет о пении русалки и реакциях на него хозяина дома. Но и они приведены мной не случайно, поскольку им тоже находятся параллели в СС: ненавистное профессору пение Шарикова под балалайку (восходящее к гитарным номерам Смердякова). Кстати, этот эстетический диссонанс образует знаменательный контрапункт к тому умильному совпадению вкусов Мюнхгаузена и музыкального кучера, которым венчается поездка барона в заснеженную Россию, где *мельниц колеса зимуют в снегу, И стынет рожок почтальона*, как писал поэт.⁵

Говоря о генезисе языковой компетенции Шарикова, не следует, однако, ограничиваться исключительно постоперационным периодом его существования. Лейтмотивная тема повести — превращение «милейшего пса» в «такую мразь» — четко проведена в «лингвистической» сфере с самого начала.

Уже из главы I, повествуемой в основном от лица Шарика — в виде то прямой, то несобственно прямой речи, —

562—563). Но у аверченковской «Русалки» были и непосредственные современные источники. В частности, — одноименный рассказ А.Н. Толстого (из цикла «Русалочьи сказки», 1910; о русалках у А. Н. Толстого см. *Толстая Е. 2008*), в котором вытащенная старым рыбаком из воды и поселенная в избе русалка своим зверским аппетитом и неумными требованиями постепенно разоряет всю его домашнюю жизнь, а в конце концов убивает и его самого (угадывается скрещение русалочьего сюжета с сюжетом пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке»). Кстати, антагонистом русалки является кот, которого рыбак по ее наущению вешает!

Всплеск интереса русалкам в начале XX в. отчасти объяснялся популярностью романа Г. Уэллса «The Sea Lady» (1902), — в рус. пер. «Морская дева» (1904) и «Женщина с моря (Наяда)» (1909), заглавная героиня которого соблазняет и уводит под воду — в лучшую жизнь/ в смерть — избранного ею мужчину (роман посвящен сатире на викторианские ценности).

Оригинальный поздний отклик на роман Уэллса — рассказ Дж. ди Лампедуза «Lighea», или «La Sirena» (1961 [1957] (рус. пер. Г. Киселева «Лигия» см. в: *Иностранная литература*, 1997, 7).

⁵ Разгадку мюнхгаузенского подтекста этих строк Мандельштама см. в *Успенский 2008*: 78. «Мотив звуков, замерзших, застывших, заспиртованных, а затем оттаявших и вновь зазвучавших, присутствует в мировой литературе со времен античности <...> у Лукиана, у Рабле» (*Там же*: 78).

становится ясно, что пес обладает развитым умом и привычкой обращаться к прохожим с мысленными монологами, например:

А в сущности, зачем она [колбаса] вам? Для чего вам гнилая лошадь? — Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме.

Более того, он может понимать и критически осмыслять человеческую речь:

Куть, куть, куть! Шарик, а Шарик!.. Чего ты скулишь бедняжка? А? Кто тебя обидел? <...> «Шарик» она назвала его! Какой он, к черту, «Шарик»! Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляпка поджарая, бездомный пес. Впрочем, спасибо ей на добром слове <...>

Фить-фить, — посвистел господин и добавил строжайшим голосом: — Бери! Шарик, Шарик!

Опять «Шарик»! Окрестили! Да называйте, как хотите. За такой исключительный ваш поступок <...>

— А-га, — многозначительно молвил он, — ошейника нету, ну вот и прекрасно, тебя-то мне и надо. Ступай за мной. — Он пощелкал пальцами. — Фить-фить!

За вами идти? Да на край света, пинайте меня вашими фетровыми ботинками, я слова не вымолвлю.

А во II главе выясняется, что он умеет и читать:

[Е]жели вы проживаете в Москве и хоть какие-нибудь мозги у вас в голове имеются, вы волей-неволей выучитесь грамоте <...>. Из сорока тысяч⁶ московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не умеет сложить из букв слово «колбаса».

Шарик начал учиться по цветам. Лишь только ему исполнилось четыре месяца, по всей Москве развесили зелено-голубые вывески с надписью «МСПО. Мясная торговля» <...> [Но больно выпоротый за ошибку, он] начал соображать, что «голубой» не всегда означает «мясной», и <...> припомнил, что во всех мясных первой

⁶ Во второй редакции СС стояло: «Из шестидесяти тысяч...» (Лосев 2002: 558).

слева стоит золотая или рыжая раскоряка, похожая на санки — «М». Далее пошло еще успешнее. «А» он выучил в «Главрыбе», на углу Моховой, а потом «Б» (подбегать ему было удобнее с хвоста слова *рыба*, потому что в начале слова стоял милиционер) <...> Если играли на гармонике <...> и пахло сосисками, первые буквы на белых плакатах чрезвычайно удобно складывались в слово «неприли...», что значило «неприличными словами не выражаться и на чай не давать» <...> Если в окнах висели несвежие окорока ветчины и лежали мандарины... гау-гау... га... строномия <...>

Неизвестный господин, притащивший пса к дверям своей роскошной квартиры <...> позвонил, а пес тотчас же поднял глаза на большую черную с золотыми буквами карточку, висящую сбоку широкой <...> двери. Три первых буквы он сложил сразу: «Пэ-рэ-о — Про». Но дальше шла пузатая двубокая дрянь, неизвестно что обозначающая «Неужто пролетарий»? — подумал Шарик с удивлением.

Как показано в *Данилевский 2005*, этот процесс обучения грамоте напоминает первые школьные уроки толстовского Филипка, который тоже умеет складывать слово из букв, в частности свое собственное имя («Филипок сказал: хве-и-хви, -ле-и-ли, -пеок-пок»). При этом он не пугается «пузатой двубокой дряни», ставящей в тупик Шарика, то есть буквы Ф, с которой начинается его имя, — как и имя его высокоученого тезки в СС, из чего автор статьи делает далеко идущие выводы о взаимоотношениях Булгакова с Л. Н. Толстым.⁷

⁷ В статье Данилевского, богатой фактами и идеями, есть и другие соображения об интертекстуальной подоплеке СС, в частности — о нацеленности на фигуру А. Н. Толстого. Среди этих последних, на мой взгляд, лишь отчасти убедительных, отсутствует, однако, упоминание о рассказе А. Н. Толстого «Как ни в чем не бывало» (вышедшего отдельной книжкой в 1925 г.), где фигурирует говорящая собака:

Цыган была серая, худая и очень добрая собака <...> такая умная, что <...> уме[ла] даже говорить по-русски <...> Однажды вечером Цыган <...> рассказал историю своей жизни.

«Я родился на Крестовском острове, рано лишился матери, и детство мое было очень плачевно. Мальчишки таскали меня за хвост <...> Кошки фыркали мне в морду и царапали когтями <...> Одно время попал я на плохую дорожку <...> Слов нет, — стащишь с прилавка баранинки или ва-

В любом случае, очевидно превосходство как общих интеллектуальных, так и специфически языковых способностей Шарика по сравнению с Шариковым. В «Эпilogue» Булгаков не забывает замкнуть эту линию.

— [К]акого такого Шарикова? Ах, виноват, этого моего пса... которого я оперировал?

реную колбасу и так плотно покушаешь — хвостом лень муху отогнать. Но в одном кооперативе угостили меня гирей, в другом — мясники-приказчики отрубили часть хвоста и грозились в другой раз поймать — смолоть меня на краковскую колбасу <...>

„Довольно грабежей“, — сказал я сам себе. И поступил в батраки к одному хозяину — бегать, гавкать по ночам на цепи <...> А провались, думаю, этот хозяин со своим добром <...>

Ушел я от него и заголодал. Неорганизованная наша жизнь собачья, пробиваемся в одиночку. Лежу я однажды на солнышке в саду, даже тошнит есть хочется. Вдруг подходят ко мне Никита и Митя, жалеют меня, гладят, дают булочку. Не забуду этой минуты <...> С тех пор я счастливый бродяга <...> А увижу няньку — начинаю глядеть на нее грустно, со слезой, покуда она не поймет, что собака голодная...»

По хронологическим причинам вопрос об интерпретации текстуальных переключек «Как ни в чем не бывало» и СС, остается открытым, но, бесспорно, заслуживает внимания. Знакомство их авторов друг с другом и их взаимный интерес известны и обсуждаются, в частности Данилевским.

О топосе «умных и говорящих собак» (у Лукиана, Сервантеса, Гофмана, Гоголя, Кафки и мн. др. авторов) см. *Зиолковски 1983*. В этой связи стоит вспомнить обычно не попадающую в подобные обзоры собаку толстовского Левина — Ласку, превосходящую в понимании охотничьей ситуации своего хозяина (которого парой главок ранее раздражало неадекватное поведение в лесу его городских гостей, особенно светского шалопаю Васеньки Весловского):

Вбежав в болото, Ласка тотчас же среди знакомых ей запахов кореньев, болотных трав, ржавчины и чуждого запаха лошадиного помета **почувствовала** рассеянный по всему этому месту запах птицы, той самой пахучей птицы, которая более всех других волновала ее. Кое-где по моху и лопушкам болотным запах этот был очень силен, но **нельзя было решить**, в какую сторону он усиливался и ослабевал. Чтобы найти направление, надо было отойти дальше под ветер <...> Вдохнув в себя воздух расширенными ноздрями, она тотчас же **почувствовала**, что не следы только, а они сами были тут, пред нею, и не один, а много <...>

— Простите, профессор, не пса, а когда он уже был человеком <...>

— То-есть он говорил? — спросил Филипп Филиппович, — это еще не значит быть человеком <...> [Он и] сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет <...> Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм.

— Неприличными словами не выражаться, — вдруг гаркнул пес с кресла и встал. Черный человек внезапно побледнел, уронил портфель и стал падать на бок <...>.

— Так свезло мне, так свезло, — думал [пес], задремывая, — просто неопишимо свезло... и т. д.

Этот последний внутренний монолог Шарика возвращает нас к его аналогичным тирадам в главе I, а предыдущая реплика вслух — тоже последняя — оказывается где-то посредине между полнозначным наездом «Отлезь, гнида!» и лишь полуосмысленным, мотивированным чисто внешне употреблением присловья «Дай папиросочку — у тебя брюки в полосочку». Причем эта реплика (озвучивающая надпись, в свое время расшифрованную и заученную милейшим Шариком) приобретает здесь подчеркнуто металингвистический смысл. Более того, она не просто обнаруживает языко-

Они были тут, но где именно, она **не могла еще определить**. Чтобы найти это самое место, она начала уже круг, как вдруг **голос хозяина развлек ее**. «Ласка! тут!» — сказал он, **указывая ей в другую сторону**. Она постояла, спрашивая его, не лучше ли делать, как она начала, но он **повторил** приказанье сердитым голосом, **показывая** в залитый водою кочкарник, **где ничего не могло быть**. Она **послушала его**, притворяясь, что ищет, чтобы сделать ему удовольствие, излазила кочкарник и вернулась к прежнему месту и тотчас же **опять почувствовала** их. Теперь, когда **он не мешал ей, она знала**, что делать, и, не глядя себе под ноги и с досадой спотыкаясь по высоким кочкам и попадая в воду, но справляясь гибкими, сильными ногами, начала круг, который **все должен был объяснить ей** <...>

Заметив тот особенный поиск Ласки, когда она прижималась вся к земле <...> Левин **понял**, что она тянула по дупелям <...> Подойдя к ней вплоть, он стал с своей высоты **смотреть** пред собою и **увидал глазами то, что она видела носом**. В проулочке между кочками на одной виднелся дупель... («Анна Каренина», VI, 12).

вую несостоятельность теряющего человеческие черты героя, но и эмблематически реагирует на слово — «атавизм», — описывающее этот процесс.

Литература

Безродный М. 2008а. Шинель и шуба // <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/221301.html>

Безродный М. 2008б. Вонави и Вогопас // <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/257350.htm>

Безродный М. 2009. Вот так я сделался собакой // <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/271478.html>

Булгаков М. 2002. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. Дьяволиада. Повести, рассказы и фельетоны 20-х годов / Примеч. В. Лосева. СПб: Азбука-классика.

Данилевский А. 2005. Толстые в «Собачьем сердце» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V (Новая серия). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 206—236 (<http://www.ruthenia.ru/document/538993.html>).

Жолковский А. 1987. Диалог Булгакова и Олеси о колбасе, параде чувств и Голгофе // Синтаксис 20: 25—55 (http://imwerden.de/pdf/syntaxis_20.pdf)

Жолковский А. 1995. О Смердякове (Булгаков и Достоевский) // Лотмановский сборник. I / Сост. Е. В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1994. С. 568—581 (<http://rcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/smerd.htm>)

Жолковский А. 2005 [1995]. В минус первом и минус втором зеркале // Он же. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ. С. 246—268 (<http://rcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/siren.htm>)

Жолковский 1983 — Ziolkowski, Th. 1983. Talking Dogs: The Caninization of Literature // Он же. Varieties of Literary Thematics. Princeton. P. 86—122.

Клейман Р. 1991. Мениппейные традиции и реминисценции Достоевского в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука. Т. 9. С. 223–230 (http://www.newruslit.ru/for_classics/dostoevsky/research)

Лосев В. 2002. [Примечания к «Собачьему сердцу»] // *Булгаков 2002*: 546–563.

Мережковский 1997 [1906]. Чехов и Горький // Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. СПб.: РХГИ. С. 643–686

(http://az.lib.ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0180.shtml).

Павлова М. 2004. Творческая история романа «Мелкий бес»; Комментарий // *Сологуб 2004*: 643–757; 758–882.

Преженцева Е. и Т. Сороматина 2001. Образ русалки и сюжет о ней: Особенности изображения в русской литературе XIX – начала XX в. // *Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры*. Тюмень. С. 42–49.

Сологуб Ф. 2004. Мелкий бес / Подг. М. М. Павловой. СПб.: Наука (Литературные памятники).

Толстая Е. 2008. «Я пою и я – ничья»: К тексту Софьи Дымшиц-Толстой в русской литературе // *Toronto Slavic Quarterly*. № 24 (Spring 2008) <http://www.utoronto.ca/tsq/24/tolstaya24.shtml>

Шаргородский С. 1991 [1987] Собачье сердце, или Чудовищная история // *Лит. обозрение*. 1991. № 5. С. 87–92.

Успенский Ф. 2008. Замер(з)шие звуки // *Он же*. Три догадки о стихах Осипа Манделштама. М.: Языки славянской культуры. С. 73–83.

Фуссо 1989 — S. Fusso. Failures of Transformation in Sobach'e serdtse // *SEEJ*. 1989. 33 (3): 386–399.